

свого рода, ему падлежит иметь женское окончание. Вторые ссылались не только на обычай, но и на многие примеры, заявляя, что *perdrâ*,¹⁴ *mei*¹⁴ *mer*¹⁵ — слова женского рода, а окончание у них тем не менее мужское. Король спросил у Малерба, какого мнения держится он. Поэт, по словосу обыкновению, привел ему в пример крестников Пор-о-Фуэна; и так как Короля это не очень-то убедило, Малерб сказал ему приблизительно то, что некогда было сказано одному из римских императоров: «Как бы всевластный вы, государь, ни были, вы не в силах ни отменить, ни утвердить слово, ежели оно узаконено обычаем».

Кстати, однажды г-н де Бельгард послал к Малербу спросить, как лучше говорить: *dependé* или же *dependû*. Поэт тотчас же ответил, что *dependé* слово более французское, а что *pendû*, *dependû*, *repandû* и все производные сего низкого слова скорее присущи речи гасконцев.¹⁶

Около 1615 года,* когда Малербу было уже более пятидесяти восьми лет, он потерял свою мать; и так как Королева оказала Поэту честь, пригласив к нему одного придворного, дабы его утешить, Малерб заявил опому, что у него нет другого способа отблагодарить Королеву за доброту, как молить бога о том, чтобы Королю привелось оплакивать ее кончину в столь же пожилом возрасте, в каком ему, Малербу, ныне приходится оплакивать смерть своей матери.

Однажды в салоне у Королевы¹⁷ не помню уж кто именно из мужчин, разыгрывавший из себя человека весьма добродетельного, стал расхваливать Малербу находящуюся тут же на правах фрейлины Королевы-матери маркизу де Гершевилль; ** рассказав ему про ее жизнь и про то, как она отвергла любовные домогательства покойного короля Генриха IV,

* Он был уже весьма пожилым, когда умерла его мать; он долго сомневался, уместно ли ему надевать траур, говоря: «Я склонен не делать этого. Недурным шпротником я бы выглядел, не правда ли?». В конце концов он все-таки облачился в траур.

** Так как наследство рода Ларош-Гийонов, одного из самых именитых во Франции, перешло в женские руки, наследница, вместо того чтобы выйти замуж за одного из сватавшихся к ней знатных сеньеров, отдала руку своему соседу — дворянину, г-ну де Свйн, который принял фамилию Ларош-Гийонов. Сын этого дворянина женился на девушке из рода де Понс, это и есть г-жа де Гершевилль. Она овдовела совсем молодою, оставшись одна с сыном, покойным графом де Ларош-Гийоном. Генрих IV, будучи в Менте, расположенном неподалеку от этого поместья, упорно ухаживал за г-жою де Ларош-Гийон, женщиной красивой и порядочной. Он убедился, что она весьма добродетельна (см. «Любовные проказы Алясандра») и, в знак уважения к ней, сделал ее фрейлиною Королевы-матери, сказав при этом: «Вы всегда были дамой, чья честь заслуживает особого почтения; будьте же почетной дамою при Дворе». Побыв некоторое время вдовой, эта дама вышла замуж за г-на де Лианкура, первого штальмейстера Малой коюпльи, и из ложной скромности стала называть себя г-жою де Гершевилль, ибо г-жою де Лианкур звали в ту пору г-жу де Бофор. Граф де Ларош-Гийон умер бездетным, и г-н де Лианкур, доплатив нужную сумму деньгами, приобрел поместье Ларош-Гийон по условиям брачного контракта, оговоренным матерью покойного графа.